

*Я. С. Иващенко, А. А. Иванов**

МОРФОЛОГИЯ И АКСИОЛОГИЯ НЕОЯЗЫЧЕСКОЙ СЛАВЯНСКОЙ СКАЗКИ**

Статья посвящена анализу стилистического, образного, композиционного и аксиологического аспектов неоязыческих сказок начала XXI в. Эти произведения следует отнести к непрофессиональной художественной литературе, основывающейся на фольклорных сюжетах. Их связь одновременно с традиционным фольклором и современным литературным творчеством обеспечивает использование устойчивых образов и клише, а также новояза, тропов и приема интертекстуальности. В системе образов присутствует антропоцентризм как след культуры модерна в сознании современного автора. Три вида синтеза в текстах: эклектичная конструкция хронотопа, синтетичная лексика, соединение заимствованной формы и аутентичного содержания — характеризуют также неоязычество как явление. Определены ценности, репрезентированные посредством образов, и ценности, детерминирующие авторскую деятельность. Сверхценности героев (бессмертие, вечная молодость и возможность понимать язык природы) отражают также представления неоязычников об идеальном мире и гармонии, возвращении которых посвящена их деятельность.

Ключевые слова: неоязычество, художественная литература, сказка, художественный образ, структура, аксиология.

Ivashchenko Y. S., Ivanov A. A.

MORPHOLOGY AND AXIOLOGY OF THE NEO-PAGAN SLAVIC FAIRY TALE

The article is aimed to analyze the stylistic, figurative, compositional and axiological aspects of neo-pagan fairy tales of early XXI century. These works should be characterized

* Иващенко Яна Сергеевна, доктор культурологии, доцент, ведущий научный сотрудник НОЦ «Геродот» Новосибирского государственного технического университета; Русская христианская гуманитарная академия; iva_ya@mail.ru

Иванов Андрей Анатольевич, доктор философский наук, старший научный сотрудник НОЦ «Геродот» Новосибирского государственного технического университета; Сибирский университет потребительской кооперации; larsandr@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22–28–01712)

as non-professional fiction based on folklore plots. Their connection both with traditional folklore and modern writing ensures the use of stable images and cliches as well as newspeak, tropes and intertextuality. In the system of images there is anthropocentrism as a trace of modern culture in the consciousness of a modern author. Three types of synthesis in texts — eclectic chronotope construction, synthetic vocabulary, a combination of borrowed form and authentic content — also characterize neo-paganism as a phenomenon. The values represented by images and the values influencing the author's activity are determined. The protagonists' super-values (immortality, eternal youth and the ability to understand the language of nature) also reflect the ideas of neo-pagans about the ideal world and harmony, the return of which their activities are dedicated to.

Keywords: neo-paganism, fiction, fairy tale, imagery, structure, axiology

Реконструкция представлений древних славян остается одним из проблемных вопросов в современной гуманитарной науке. Научное исследование этих представлений осуществляется на основе средневековых византийских, арабских и европейских письменных текстов, по фольклорным материалам эпох, следовавших за языческим периодом, а также по вещественным артефактам, полученным в ходе археологических исследований. Все эти источники не содержат каких-либо целостных изложений мифологических событий. Трудность их трактовки обуславливается наслоением на архаичные тексты более поздних представлений, смысл которых вдобавок трансформируется включением многочисленных исполнительских и исследовательских интерпретаций. Эти особенности и затруднения породили различного рода спекуляции и многочисленные художественные вариации вокруг исследуемой темы.

Инициативу в актуализации представлений древних славян во второй половине XX — начале XXI в. проявили авторы, включенные в процессы реконструкции этой мифологической реальности, но не имеющие специальной гуманитарной подготовки. К такой категории относится значительная часть представителей современного язычества. Продвижение этого нового религиозного движения потребовало создания его текстологической базы. Эти авторы, как им представляется, ПРАВИЛЬНО воспроизводят смыслы ритуальных практик и древних представлений, так как делают это при «поддержке» своих богов (так, например, словами «если Велес поможет, то напишу еще что-нибудь» [7] завершает свой цикл преданий один из языческих авторов), а также с опорой на авторитетные в их кругах научные и научно-популярные источники. Плоды своей поисково-интерпретативной и сочинительской деятельности они оформляют в виде сказок, легенд, преданий, текстов выступлений, лекций и других форм, транслируют их в формате печатных сборников, на дисках, в виде интернет-текстов и аудиокниг. При этом авторы этих изданий считают, что с их подачи «мир языческих преданий славянской старины предстает перед читателем <...> во всем своем великолепии» [3, с. 4].

Текстам, созданным представителями современного язычества, приписывается различная степень достоверности и сакральности. Результаты любительской художественной переработки знаний по славянской культуре сегодня репрезентированы в основном в жанрах сказа, сказки и предания. Согласно мнению С. В. Пепеляевой и Р. В. Шиженского, такого рода тексты «позволяют писателю от язычества найти своего читателя, подготовить его к «живому

язычеству», отделив от аморфной культовой среды» [9, с. 82]. Ряд языческих тем и сюжетов также получил распространение в музыке, в мультипликационном и изобразительном искусстве, кино, но это уже преимущественно профессиональный уровень художественной культуры, изучение которого не входит в задачи исследования. В статье представлен анализ стилистического, образного, композиционного и ценностного аспектов неязыческих сказок, сказов и преданий. Материалами стали тексты неязыческих авторов начала XXI в. Они были изучены с использованием аксиологического подхода, компаративного и структурно-семиотического методов.

Сказка как вид духовно-практической деятельности аккумулирует ценности и смыслы социума. В качестве ее главных функций также отмечают сохранение культурной традиции, воспитательно-социализирующую, коммуникативную, эстетическую, и терапевтическую (компенсаторную) [6]. Считается, что в отличие от сказа и предания, которые все же претендуют на достоверность, сказка опирается преимущественно на вымысел. Легитимна точка зрения, что сказка является модификацией мифа, осуществляемой посредством десакрализации и художественной переработки описываемых событий. Идеолог неоязычества А. А. Добровольский (Доброслав) полагал несколько иной тип связи мифов и преданий со сказкой: «Волшебные сказки — это замаскированное изложение священных родоплеменных преданий» (цит. по [11, с. 104]). Этим утверждением руководствовался целый ряд неязыческих авторов. Фольклор, по мнению Доброслава, является наиболее достоверным источником по изучению славянской мифологии (цит. по [11, с. 104]). В неязыческих сочинениях, содержащих в названиях указание на сказки, сказы и предания, сами жанры не различаются. Все они, несмотря на прилагаемые к текстам комментарии, являются вымыслом современного автора, т. е. собственно сказкой, поэтому в исследовании они принципиально не различаются.

Современная сказка ориентирована на разновозрастного читателя: им может являться и ребенок, и взрослый. Она существенно отличается от своего древнего прототипа, но сохраняет ориентацию на созидание, общечеловеческие ценности и нравственные доминанты. Выделяют следующие отличительные характеристики современной сказки для детей. Она освещает проблемы современного общества и ребенка, имеет большую свободу и подвижность в композиционной структуре, отличается разнообразием лексики и сюжетов при минимизации каноничных формул. Современная литературная сказка допускает жанровый синкретизм, опирается главным образом на индивидуальный авторский замысел. Она содержит минимум поучительных моментов, создается для рекреации, демократична и допускает иронию. Современные сказки характеризуют расширенные интертекстуальные связи, апеллирующие к архетипическим образам. Сказочное двоemiрие в них — эволюция не мифологического хронотопа, а романтической традиции [5]. Все эти черты детской сказки присущи и сказкам для взрослой аудитории, которые сегодня оформляются в основном в жанре фэнтези. Сказкотворчество также используется в практической психологии в психотерапевтических целях, но этот вид сказок выходит за рамки объекта исследования.

Свобода, многообразие, секулярность, развлекательный характер, индивидуальное авторское начало, интертекстуальность, специализация и опора

на современные технологии, в том числе педагогические, характеризующие этот вид литературного творчества сегодня, отражают также ориентиры современной культуры. Тем не менее в большинстве сборников, подготовленных в конце XX — начале XXI в. идеологами славянского неоязычества, культивируются противоположные смыслы. Их творец явно не претендует на авторство, обычно представляется как собиратель и обработчик народного творчества, репрезентирует плоды своей деятельности в качестве «ключа <...> толкований сакральной мудрости славян», идущей из «глубин сакрального источника», постижение которого «отпирает двери Знания» [4]. Сам же анализ неязыческих текстов показывает, что они, помимо артикулируемых, имеют другие задачи и особенности.

Мистификация текста в фольклорном творчестве современного славянского язычества сочетается с его наукообразностью: нарочито подчеркивается особый религиозный смысл и древность сюжетов, при этом их описание сопровождают «научные» комментарии. Иногда эти экспликации встроены в саму структуру произведений. Современные языческие авторы создают также тексты без притязаний на аутентичность и особый сакральный смысл. В качестве примера можно привести сборник А. Асова «Славянские сказы для детей», отдельные части которого созданы в стихотворной форме. В тексте выражено авторское начало, присутствуют множественные интертекстуальные связи и ирония. Так у славянских неоязычников возникают произведения о «самой обычной московской дыре», где проживает «самый обычный мальчик» [1]. Другой пример — «Побрехушки» Богумила Мурина [8] — истории юмористической направленности без установки на достоверность и таинственность, сочиненные непринужденно «сами собой», близкие к жанру бывальщины. О побрехушках как неязыческих произведениях уже писали С. В. Пепеляева и Р. В. Шиженский [9].

Эффект сакральности и стилизацию под древность в сказах, сказках и преданиях неоязычников обеспечивает использование ключевых традиционных сюжетов и образов, а также «этнически обогащенного» новояза [12, с. 28] (или его элементов), имитирующего древний славянский язык. Этот язык эклектичен и синтетичен, как неоязычество в целом. Его не следует отождествлять с межславянским языком, сконструированным лингвистами. Неоязыческий тезаурус был создан основателями славянских общин на основе фольклорных и историко-этнографических источников, в том числе тех, чья легитимность научно не подтверждена, и использовался в религиозных практиках, общении и сочинительстве. Этот язык, как показали современные исследования, вариативен и может различаться в разных общинах [12]. С. В. Пепеляева и Р. В. Шиженский называют его «своеобразным двигателем новой языческой истории, формирующим «правильное» прошлое за счет все того же «купажа» академических данных и собственной истории родноверческих вождей» [9, с. 82].

Центральными персонажами неязыческих сказок выступают славянские боги, полубоги-полулюди и существа низшей мифологии (эта научная классификация в самих текстах явно не выражена): Род, Перун, Ярило (Ярила), Велес, Сварог, Хорс, Дажьбог (Даждьбог), Макошь, Лада, Леля, Марена, Святогор, Вий,

Кащей, Баба Яга, банник, домовый, русалки, чёрт и др. Наибольшую популярность получил служитель культа — волхв, который обрел свой сакральный статус посредством испытания и обучения. Нрав и добродетели героев в тексте передается посредством эпитетов: правдивый Перун, пресветлый Хорс, буйный Велес, великий Сварог, удалой Дажьбог и т. п. Все перечисленные ключевые персонажи антропоморфны, однако у них, как правило, имеются зооморфные, орнитоморфные, ихтиоморфные или хтонические аватары, в роли которых выступают медведь, заяц, волк, лиса, лебедь, орел, ворон, утка, еж, змей/змея и другие виды существ. При этом не всегда есть привязка конкретного мифологического персонажа к живому созданию, которым оно оборачивается. Иногда вид перевоплощения обуславливается насущными задачами (например, лететь, бежать или плыть и т. п.): «обернулся он горностаем, побежал по лесу дремучему, щукой нырнул в море синее, а из моря вспорхнул белым гоголем...» [2].

Существа животного мира могут выступать и в качестве самостоятельных образов, при этом выражать какие-либо характеристики и ранги социального мира. Животные в неоязыческих сказках транслируют как традиционно приписываемые им качества, так и нетипичные. Второй тип образов встречается в уже упомянутых побрехушках. В частности, медведь в них может быть завистливым и глупым, заяц — отважным, хитрым, ловким и, вдобавок, кровожадным; волк выступать в роли жертвы, еж — в должности почтенного волхва и т. п. В других вариантах природные существа входят в свиту какого-либо могущественного мифологического персонажа. Например, в окружении царя Тритона были следующие представители ихтиофауны: краб-рак, спрут-осьминог, рыба-сом, налим-толстогуб, щука, осетр и жбан.

Отдельную категорию образов составляют мифологические птицы: алконост, Финист-Ясный сокол, сирин, гамаюн, могол, Жар-птица и Царевна Лебедь. Для них орнитоморфный облик является определяющим. Большинство из них также демонстрирует способность оборачиваться антропоморфными существами. «Птичья» тема достаточно распространена в неоязыческих источниках. Птицы фигурируют в них в качестве самостоятельных образов (как правило, в значении волшебных помощников или, наоборот, антагонистов) и аватаров. Наименования этих живых существ используются также в сказочной топонимике. Так, названия семи птиц были положены в основу обозначений семи холмов, где происходило действие сказа о спящей царевне Эвелине Плянке. На месте цепи из семи холмов (Воробьевский, Соколиный, Сорочинский, Соловьиный, Голубиный, Совиный и Лебединый) стали жить главные герои Аргаст и Эвелина и в дальнейшем образовалась Москва [1].

Следует также отметить, что фабула сказа о спящей царевне Эвелине Плянке была целиком позаимствована у Ш. Перро, но имена персонажей и названия мест привязаны к славянской традиции. Данное произведение демонстрирует эклектику как черту современного язычества и интертекстуальность как постмодернистский прием. Здесь действует такой принцип: заимствованная форма наполняется аутентичным содержанием. Другим примером подобного совмещения являются «Сказы кощунов» Живы Божеславны [4], в которых, кроме изложения «древних» славянских сказов, предпринята попытка уложить все кощуны — сакральные символы славян — в систему гаданий

Таро. Вся совокупность славянских образов была приведена в соответствие с арканами различных рангов. К изданию также прилагается инструкция по их толкованию по аналогии с картами Таро. Все особенности взаимоотношения традиции и рецепции, а также специфику культурного трансфера в неоязыческую сказку нельзя описать только такими примерами. Эти вопросы могут стать отдельными темами исследования.

Выразительна и разнообразна география неоязыческой сказки. Природные зоны и объекты нередко персонифицируются или предстают в облике зооморфного существа. В неоязыческом мифологическом пространстве отчетливо различаются три космологические зоны: Правь — светлый мир небесных богов, Явь — земной мир и Навь — мир темных существ и мертвых. Их границами выступают природные объекты: горы Репейские, Сарачинское поле, река Смородина, камень Алатырь и др. Реальное (объекты, имеющие прототипы в реальности) и мифологическое (объекты, существующие только в мифологическом пространстве), природное и рукотворное в текстах не дифференцируются. Волга, Дон, Дунай, Днепр, море Белое, море Черное, горы Кавказские, горы Уральские, горы Араратские и остров Таврида равнозначны реке Смородине, Калиновому мосту, Китеж-граду, острову Буяну, молочной реке с кисельными берегами, Саду Ирию, Атлантиде, Беловодью и др. Одни объекты являются целью путешествия героя, другие — препятствием на его пути. Языческая топонимика сегодня получила широкое распространение в религиозном туризме, в других видах искусства, в частности, нашла отклик в творчестве Z-поэтов. Так, например, в произведении Анны Долгаревой умершие воины исчезают за рекой Смородиной. Славянские языческие образы и символы в ее сочинениях переплетаются с христианской тематикой и современными представлениями.

«Пережитки» христианских верований можно встретить и в неоязыческих текстах. Так, три мира: Правь, Явь и Навь — представляются как три лика единого Рода [4]. В описании грядущего конца мира есть образно-семантические и фразеологические аллюзии на «Откровение от Иоанна». Также встречаются упоминания поста, Страстной недели, распятия и вознесения: «Почитайте страстную неделю — как скорбел Дажьбог от распятия до спасения Лебедью-Живой, так и вы скорбите смиренно...» [2] (*пунктуация и орфография оригинала сохранена*). Приведенные фрагменты вступают в противоречие не только с официально известными фактами древнеславянской культуры, но и с особенностями современного славянского язычества, которому не свойственны установки на пассивность и смирение. Само христианство и события Крещения Руси неоязычники интерпретируют крайне негативно.

В произведениях вплетены традиционные сказочные сюжеты о Колобке, Репке, Курочке Рябе, Снегурочке, Машеньке и медведе и др. Один из авторов, пишущий под псевдонимом Старый, отмечает, что нам были ранее (в детстве) навязаны «грубые искажения образности и логики» этих сказок [10]. Он предлагает их иную мифологическую трактовку. Так популярные сказочные темы обретают в неоязыческом повествовании и комментариях к нему новые космогонические или этиологические функции. Иногда включение сказочных сюжетов в тексты может осуществляться только одной, но легко узнаваемой

этнофором фразой: «Сядь, на пенек, съешь пирожок ...» [4] (*пунктуация оригинала сохранена*) или «Стань к лесу задом, ко мне передом!» [2] и т. п.

Интертекстуальность неоязыческих текстов реализуется больше в поле славянской культуры, но нередко встречаются другие историко-культурные параллели, что может являться как сознательным межкультурным цитированием, так и следствием научной некомпетентности создателя текста. В первом случае у автора отсутствует изначальная установка на мистификацию и реконструкцию традиционных представлений. Им движет потребность в художественном самовыражении. Таким способом в непрофессиональные художественные новославянские сочинения инкорпорируются универсальные мифологемы типа утки-наряльщицы, добывающей землю, образ дракона-саламандры, тема египетских казней и поста, фабула сказки о Спящей красавице Ш. Перро, аллюзия на произведения Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере, параллельные виртуальные и романтические миры и т. п.

Композиция неоязыческого художественного нарратива различается в зависимости от типа источника. В анализе этого аспекта, как, впрочем, и других аспектов объекта исследования, принята установка на изучение содержания первоисточников без предварительной актуализации известных классификаций. Некоторые сходства с волшебной сказкой были выявлены в результате последующего сравнения их функций с исследовательскими концепциями. Это касается текстов, имитирующих древние источники [2, 3, 4]. Их авторы, следуя традиционным шаблонам и опираясь на популярные тексты по славянской мифологии, воссоздали фабулу, похожую на традиционную:

- констатация первоначального состояния;
- появление нового объекта или героя как источника проблемы;
- нарушение равновесия;
- поиск возможных путей устранения проблемы / попытка смягчить наказание / попытка отсрочить наступление кризиса;
- неизбежное наступление кризиса, появление нового антагониста;
- появление спасителя или волшебного помощника;
- активное преобразование или борьба;
- восстановление равновесия, вознаграждение положительных героев и наказание отрицательных;
- утверждение нового порядка.

Сочинения, не претендующие на реконструкцию мифологического мировоззрения, отличаются большей композиционной свободой и отражают вышеобозначенные черты современной сказки для детей. Вопрос о мастерстве применения современных художественных приемов в данном случае не рассматривается. В этих тестах воспроизводится ряд перечисленных традиционных функций, но их структура в большей степени обуславливается замыслом автора и композицией источников, с которых делается калька. Хронотоп таких произведений образует сочетание или одновременное соприсутствие различных пространственно-временных континуумов: реальное пространство современного мегаполиса с его неприкрытыми изъянами; волшебный космос с архаическими символами и существами, которые вмиг оборачиваются невинными домашними животными или предметами; виртуальный мир, в кото-

ром продолжается мифологическая мистерия, но уже в форме компьютерной игры: «...соперничество Ярика с Гришкой продолжилось. Однако теперь они состязались по-иному — в виртуальной игре, которую создал сам магистр Мартин Маргус» [1]. Этот пространственно-временной синтез — метонимия неоязычества как явления современной культуры, реализованного в актуальной, мистической и виртуальной реальностях и допускающего эклектику в различных своих проявлениях. Что же касается прогнозов этого религиозного движения на будущее, то здесь, как и в анализируемом произведении А. Асова, остается открытый финал.

Место каждого события, образа и пространственного объекта «аутентичного» мифологического пространства определено согласно системе дуальной оценки. Всё в этом пространстве сконцентрировано вокруг главных полюсов, образуемых двумя рядами гомологичных понятий: первый составляют категории Правда, Долюшка, Добро, Жизнь, Свет и Небо, второй — Кривда, Недоля, Зло, Смерть, Тьма и Подземелье. Они соотносимы с космологической структурой, полярными полюсами которой выступают миры Правь и Навь. Эта система также устанавливает аксиологический каркас неоязыческих произведений.

Вполне закономерным в контексте неоязычества выглядит список ценностей, отстаиваемых либо приобретаемых героями произведений: предки, семья, супружество, добро, отвага, активность, красота, цельность, гармония, мудрость, природа, изобилие, родина, любовь, счастье, молодость, сила, слава и патриархальный уклад. Соответственно этому списку выстраивается перечень негативно оцениваемых качеств и поступков: лень, трусость, бесчестие, бесславие, супружеская неверность и присвоение чужого имущества или брачного партнера.

Герой отправляется в опасное путешествие, чтобы восстановить естественный ход событий или гармонию, утраченную в результате вредительства или нарушения правил, установленных предками. Главной целью его похода может быть также поиск прекрасной супруги. В прохождении испытаний ему помогают добрые и мудрые помощники, собственные смекалка, смелость, физическая и моральная устойчивость. Обретение славы становится возможным через воинственность, которую непрестанно демонстрируют большинство мужских и даже некоторые женские персонажи.

На первый взгляд, в этом мире царит равноправие, тем не менее в тестах прослеживаются гендерные различия: величие, воинственность, превосходство в физической и моральной силе составляют мужской эталон поведения; в женском же образе персонифицируются представления о красоте и доброте. Лишь редких героинь сопровождают нелицеприятные эпитеты: ужасная, взбешенная и т. п. (в частности, эти определения характеризуют образ Морены в отдельные циклы года). Женскую красоту различают на внешнюю и внутреннюю. Внешняя красота завораживает героя, вдохновляет его на подвиг. Далее он понимает, что истинной может быть только внутренняя красота, проявляющаяся не в блеске золота и драгоценных камней, а в доброте, скромности и нежности. Главным героям современной языческой сказки, в том числе богам, не чужда любовь, притом отнюдь не платоническая, а та, что порождает новую жизнь. Она представляется в качестве начала всего на земле: «От любви

Рода и Лады всякая жизнь начало берет ... всякая вещь проЯвляется...» [4], т. е. реализуется в мире Явь. Жизнь, в свою очередь, ассоциируется со светом.

К сверхценностям героев, о которых они мечтают, относятся бессмертие, вечная молодость и возможность понимать язык зверей и птиц. Вечная жизнь и молодость, как и вечное счастье, возможны лишь в Ирийском саду. Понимание языка природных существ — это волшебный дар, которым может обладать только человек, прошедший особую инициацию, т. е. волхв. Обладание этим даром дает ему мудрость, уважение и власть над миром людей, гарантирует покровительство мира природных духов и живых существ.

Таким образом, анализ художественных артефактов неоязычества выявил расхождение артикулируемого и созданного. Сказки, сказы и предания, несмотря на заявляемые аутентичность, анонимность, сакральное происхождение, и вместе с тем научность, всё же следует отнести к непрофессиональной художественной литературе, основанной на фольклорных сюжетах. Этот тип сочинительства называют также наивной литературой. На принадлежность этих текстов к художественному стилю указывают обилие диалогов, эмоционально-экспрессивной лексики, тропов (главным образом сравнений, эпитетов и гипербол), выраженное авторское начало; в целом ряде произведений присутствуют интертекстуальные включения и ирония. Связь этих текстов одновременно с традиционным славянским фольклором и современным литературным творчеством обеспечивается осознанным и произвольным использованием устойчивых фольклорных образов, клише, а также новояза, тропов и межкультурных параллелей.

Персонажи неоязыческих текстов различаются своей принадлежностью к разным мирам (Правь, Навь и Явь). В этой тернарной структуре лишь незначительно возвышаются небесные божества по аналогии с авраамическими религиями. Вместе с тем не прослеживается явная негативация образов, определяемых в терминах подземелья. Боги, люди и персонажи низшей мифологии непрерывно взаимодействуют между собой. Антропоморфные герои и существа природного мира демонстрируют возможность взаимопревращения как отражения первобытного синкретизма в идее слитности человека и природы. В целом взаимоотношения персонажей разных рангов изображаются вполне паритетными, как в языческом космосе. Несмотря на обилие природных образов и демонстрируемое единство человеческого и природного мира, в системе образов произведений всё же проявляется антропоцентризм как след культуры модерна в сознании современного автора.

Композиция неоязыческих произведений имеет сходство с системой функций русской волшебной сказки. Оно больше выражено в произведениях, ориентированных на реконструкцию традиционных представлений. Это сходство, а также инкорпорирование в произведения инокультурных компонентов, клише и формул обеспечивается как бессознательным воспроизведением архетипических структур, так и осмысленным подражанием традиции и современному литературному творчеству. Три вида синтеза, реализуемого в текстах: эклектичная конструкция хронотопа, синтетичная лексика, соединение заимствованной формы и аутентичного содержания — отражают сущностные характеристики неоязычества как современного явления, частью которого являются эти художественные артефакты.

Аксиосферу неспециализированного художественного творчества современных язычников можно представить как систему, включающую добродетели, репрезентируемые в текстах посредством речи и поступков героев, и ценности, детерминирующие создание самих этих нарративов авторами. Интегралом первого компонента, как показали результаты исследования, выступает принадлежность к семантической группе «Правь». В целом эту группу ценностей также разделяют сами неоязычники. Специфику второго компонента составляет то, что сверхценности как цели только отдельной категории сказочных персонажей примеряют на себя все адепты современного язычества. Идея бессмертия, вечной молодости и возможности понимать язык природы отражает представления неоязычников об утраченном идеальном мире, гармонии, возвращение которых возможно через их деятельность. Но в реконструкции языческого Космоса авторы используют символический капитал современной культуры, поэтому вполне закономерно, что в своем творчестве они также удовлетворяют потребности в самовыражении и самоактуализации, свойственные любому современному человеку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асов А. Славянские сказы для детей. — М.: АСТ, 2016. — 253 с.
2. Барашков А. (Асов) Песни птицы Гамаюн (древнерусские веды). — URL: <https://coollib.com/b/536987-aleksandr-igorevich-barashkov-pesni-ptitsyi-gamayun-drevne-russkie-vedyi/read> (дата обращения 12.09.2023).
3. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Русские легенды и предания. — М.: Эксмо, 2006. — 672 с.
4. Жива Божеславна. Сказы кощунов. Толкование и календарь кощунов, 2017. — URL: <https://mybook.ru/author/zhiva-bozhoslavna/skazy-koshunov-tolkovaniya-i-kalendar-koshunov/read/> (дата обращения 12.09.2023).
5. Кабанова Н. Г. Развитие жанра сказки на современном этапе // *Modern Science*. — 2020. — № 2–1. — С. 274–279.
6. Кулагин Д. Л. Функции русских сказок: философско-культурологический анализ // *Манускрипт*. — 2017. — № 1 (75). — С. 132–136.
7. Мельник А. Ф. Языческие предания-кощуны, 2013. — URL: http://samlib.ru/m/melxnik_a_f/skazki-11.shtml (дата обращения 12.09.2023).
8. Мурин Б. Побрехушки. Книга первая: в 2 ч. — Обнинск: Оптима-Пресс, 2006. — Ч. I. — 226 с.
9. Пепеляева С. В., Шиженский Р. В. Особенности функционирования анималистических образов в художественном творчестве представителей современного языческого движения // *Вестник славянских культур*. — 2020. — № 1. — С. 80–92.
10. Старый. Русские Сказки и Славяно-Арийские Сказы. — URL: <https://fishki.net/1500725-russkie-skazki-i-slavjano-arijskie-skazy.html> (дата обращения 12.09.2023).
11. Шиженский Р. В., Тютина О. С. Мифология и фольклор в нарративах идеолога неоязычества А. А. Добровольского // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. — 2015. — № 44–45. — С. 103–107.
12. Шиженский Р. В. Особенности нового языка («новояз») русских язычников XXI века // *Научное мнение*. — 2017. — № 11. — С. 25–33.